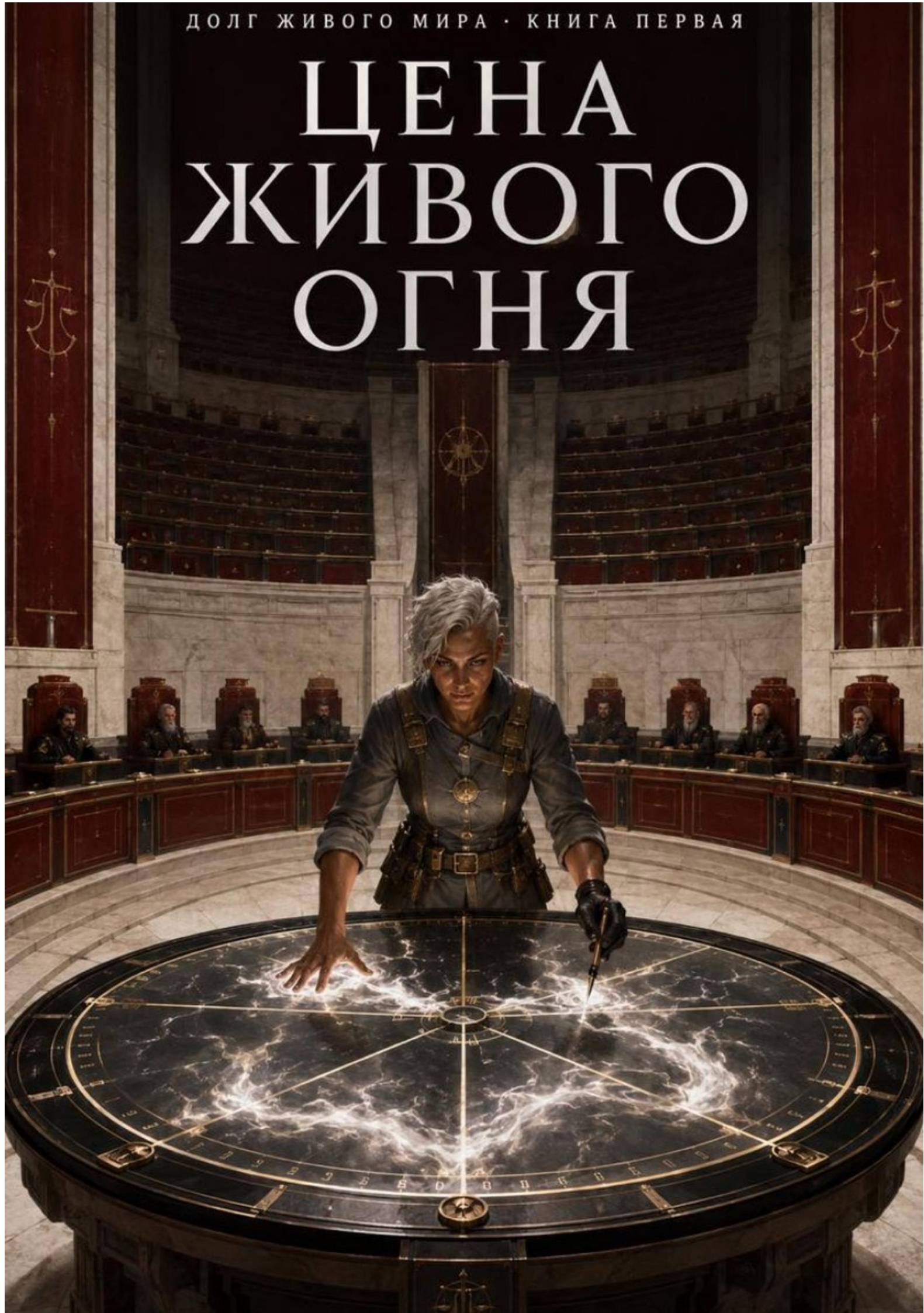

ДОЛГ ЖИВОГО МИРА · КНИГА ПЕРВАЯ

ЦЕНА ЖИВОГО ОГНЯ

L Veyron

Цена живого огня

«Автор»

2026

Veyron L.

Цена живого огня / L. Veyron — «Автор», 2026

В мире Эртаны каждое чудо имеет цену. За магический огонь люди отдают тепло, за исцеление — боль, за защиту городов — слух, вкус и другие чувства. Имперская мерительница Иара Тенн привыкла точно рассчитывать эту плату. Но однажды она обнаруживает скрытую линию, через которую столица перекладывает последствия магии на жителей далёких провинций. Пока одни пользуются чудесами, другие теряют способность чувствовать и жить. Расследование приводит Иару к древней сети, соединяющей города с чем-то огромным и живым под землёй. Чтобы остановить пробуждение мира, ей придётся выступить против Империи и ответить на главный вопрос: можно ли спасти миллионы, если для этого нужно пожертвовать одним невиновным человеком?

© Veyron L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Подать	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛОЕ ПЛАМЯ	9
Глава 1. Квартал без боли	10
Глава 2. Пятая мера	16
Глава 3. Правильный отчёт	23
Глава 4. Инженер, который не верил в чудеса	27
Глава 5. Ниже города	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

L Veyron

Цена живого огня

ЛЕОН ВЕЙРОН
ДОЛГ ЖИВОГО МИРА
Книга первая
ЦЕНА ЖИВОГО ОГНЯ
Роман
2026

ЦЕНА ЖИВОГО ОГНЯ

В мире Эртаны каждое чудо требует платы: за огонь люди отдают тепло, за исцеление — боль, за защиту — слух. Имперская мерительница Иара Тенн узнаёт, что власть давно научилась перекладывать эту цену на жителей далёких провинций. Когда под столицей просыпается нечто живое и огромное, ей предстоит решить, можно ли спасти мир, не превращая очередного человека в его жертву.

© Леон Вейрон, 2026

«Чудо всегда оплачено. Вопрос лишь в том, кто держит счёт». Какую цену можно назвать добровольной, если отказ означает потерю привычного мира?

Из запрещённого трактата «О пределах дара»

Пролог. Подать

В тот год весна пришла в Ольден слишком рано. Снег ушёл с полей ещё до первого грома, обнажив чёрную землю и прошлогодние стебли, а на склонах за деревней проступили серые камни, похожие на суставы огромной руки. Старики говорили, что это хороший знак: земля проснулась и торопит людей с севом. Молодые молчали. За последние годы все хорошие знаки почему-то заканчивались новым сбором.

Лир слышал имперские колокольцы, когда чинил крышу хлева. Звук шёл от дороги — чистый, ровный, не похожий на бубенцы торговцев. Так звенело серебро, подвешенное к уздечкам казённых лошадей, чтобы любой встречный успел убраться с пути.

— Мама, они едут, — крикнул он.

Ответа не было.

Лир спрыгнул на влажную траву и побежал к дому. Мать стояла у печи, прижимая ладонь к груди. Она не боялась чиновников. По крайней мере, раньше он никогда этого не замечал. Когда сборщики забирали зерно, она спорила о весе каждого мешка. Когда переписчик приписал их двору лишнюю козу, она заставила его трижды пересчитать животных. Но сейчас её лицо стало неподвижным.

— Возьми сестру и идите к реке, — сказала она.

— Зачем?

— Посмотрите, не поднялась ли вода.

Река была в полумиле от дома. Утром Лир уже видел её: вода не поднялась.

— Они приехали из-за подати?

Мать посмотрела на него, и он понял, что угадал.

Во двор въехали шестеро. Четверо солдат в серых плащах, писарь и женщина в тёмно-синем дорожном платье. На её груди серебряной нитью был вышит знак Управления мер — круг, рассечённый пятью линиями. Лир видел такой знак только однажды, на двери городской лечебницы. Женщина была молода, ненамного старше матери, но смотрела на людей с усталой внимательностью, будто каждый встречный представлял собой задачу, решение которой ей уже наскучило.

Староста собрал деревню у пустого амбара. Взрослые становились семьями; детей старались держать сзади. Писарь развернул на бочке длинный лист, прижал углы камнями и объявил, что Ольден задолжал короне тридцать две меры зерна, одиннадцать серебряных марок и восемь дней дорожных работ.

По толпе прошёл ропот.

— Мы отдали зерно осенью, — сказала мать Лира.

— Осенью вы исполнили обычную повинность, — ответил писарь. — Это чрезвычайный сбор на укрепление северных застав.

— У нас осталось семенное.

— Корона не требует семенного зерна.

Писарь произнёс это слишком быстро. Женщина в синем не смотрела на него. Она разложила на столе пять тонких металлических пластин, каждая размером с ладонь, и начала протирать их белой тканью.

— Денежную часть долга можно заменить малой мерой дара, — сказал писарь. — Добровольно. Без вреда для здоровья. Один человек от двора освобождает семью от чрезвычайной повинности на три года.

Лир не понял слов, но увидел, как мать побледнела.

— В прошлый раз говорили на пять, — заметил староста.

— Обстоятельства изменились.

Первым согласился мельник. У него было четверо детей и пустой погреб после зимы. Он сел на принесённый солдатами стул, положил руки на колени. Женщина в синем закрепила одну пластину у него на виске, другую на запястье. Между пластинами протянулась нить тусклого света.

Мельник вздрогнул.

— Что чувствуете? — спросила женщина.

— Холод.

— Это пройдёт.

Она повернула маленькое колесо на приборе. Свет стал ярче. Мельник открыл рот, будто хотел крикнуть, но не издал ни звука. Через несколько мгновений женщина сняла пластины.

— Встаньте.

Он поднялся, оглядел людей и неловко улыбнулся.

— Ничего, — сказал он. — Будто рука затекла.

Его жена подбежала к нему и обняла. Мельник не ответил. Она отстранилась, коснулась его лица, потом неожиданно ударила ладонью по щеке.

— Ты почувствовал?

— Конечно.

Но по его глазам Лир понял: не почувствовал.

К полудню на стул сели девять человек. Кто-то отдавал вкус, кто-то способность различать холод, кто-то — «незначительную долю кожной чувствительности». Писарь старательно вносил всё в ведомость. После каждой процедуры одна из пластин темнела, а женщина убирала её в обитый войлоком ящик.

Когда назвали их двор, мать шагнула вперёд.

— Я пойду, — сказал Лир.

Она схватила его за плечо так сильно, что ногти прошли сквозь рубаху.

— Детей не принимают, — ответила женщина в синем.

Впервые в её голосе прозвучало что-то человеческое. Не жалость — скорее раздражение, обращённое не к Лиру.

Мать села на стул. Ей закрепили пластины на запястьях и под ключицей. Писарь велел ей выбрать плату. Она спросила, что меньше всего помешает работать.

— Боль, — сказал он. — Многие считают её бесполезной.

Женщина в синем подняла голову.

— Боль предупреждает о повреждении тела.

— В инструкции она указана как допустимая мера.

— Инструкция предполагает частичное изъятие.

Писарь постучал ногтем по ведомости.

— Нам предписан полный сосуд.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом женщина опустила глаза и начала поворачивать колесо.

Мать Лира не закричала. Только один раз глубоко вдохнула. Свет между пластинами стал красным, затем почти белым. Земля под ногами едва заметно дрогнула, но никто, кроме Лира, кажется, этого не почувствовал.

После процедуры мать выглядела как прежде. Она расписалась в ведомости и вернулась к детям. По дороге домой сказала, что теперь им не придётся отдавать семенное зерно, а осенью они смогут починить крышу.

Вечером она взялась голой рукой за чугунную дверцу печи.

Лир услышал запах обожжённой кожи раньше, чем она заметила дым.

Он отдернул её руку. На ладони вздувались прозрачные пузыри, но мать лишь удивлённо рассматривала их, будто ожог принадлежал другому человеку.

— Не больно, — прошептала она.

За окном снова зазвенели имперские колокольцы. Сборщики уезжали на север, увозя ящик с потемневшими пластинами.

Далеко под полями Ольдена что-то медленно перевернулось во сне.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛОЕ ПЛАМЯ

Глава 1. Квартал без боли

Белое пламя не давало тени.

Оно поднималось над крышами Старого Риальта ровными полупрозрачными столбами, не трогая деревянные балки, не обугливая черепицу и не растапливая свинцовые желоба. Сквозь него были видны окна, вывески, лица людей. На первый взгляд могло показаться, что город всего лишь накрыли светящейся тканью.

Потом из переулка вышел мужчина с осколком стекла в шее.

Он шёл спокойно, придерживая рукой рассечённую кожу, и с недоумением смотрел на кровь, стекавшую по пальцам.

Иара Тенн перехватила его у фонтана.

— Не вытаскивайте стекло.

— Оно мешает воротнику.

— Если вы его вынете, можете умереть.

Мужчина усмехнулся, приняв её предупреждение за преувеличение. Иара ударила ладонью по серебряному знаку на груди, привлекая санитаров.

— В приёмный двор. Немедленно. И свяжите ему руки, если попытается трогать рану.

— Я не сумасшедший, госпожа мерительница.

— Сегодня это ничего не доказывает.

Двое санитаров увели его. Один держал пострадавшего за плечи, другой прижимал к шее сложенную ткань. Мужчина продолжал рассуждать о испорченном воротнике.

На площади кричали приказания. Лошади скользили на мокром камне. Водоносы по привычке заливали белое пламя, хотя вода проходила сквозь него и растекалась по мостовой. У дверей аптек уже выстроились очереди. Люди приносили сломанные пальцы, глубокие порезы, вывихнутые суставы — повреждения, которые обнаружили случайно.

Иара присела возле девочки лет десяти. Та сидела на ступенях булочной и рассматривала собственное колено. В чашечку впился ржавый гвоздь.

— Как тебя зовут?

— Мина.

— Мина, не трогай гвоздь.

— Почему? Он некрасивый.

— Потому что у тебя серьёзная рана.

Девочка нахмурилась.

— Но я ничего не чувствую.

Иара достала из сумки чёрную измерительную нить. Один конец обернула вокруг запястья Мины, другой приложила к здоровой коже над коленом. Нить осталась тусклой. Она сдвинула её к ране — никакой реакции.

— Ты была дома, когда появился огонь?

— Мы завтракали. Папа сказал не бояться, потому что не горячо. Потом мама уронила чашку и наступила на осколки.

— Твоя мама тоже не почувствовала?

Мина покачала головой.

Иара попросила санитаров отнести девочку к хирургам и выпрямилась. Спина отозвалась тупой болью: она работала с рассвета, а солнце уже поднялось над восточными башнями. Обычно боль помогала ей считать часы лучше городских колоколов. Сегодня она была почти привилегией.

— Тенн!

Через площадь пробирался мастер Лоден, начальник столичной Палаты мер. Он был невысок, широк в плечах и всегда выглядел так, будто только что вышел из драки, которую выиграл исключительно благодаря служебному положению. За ним шли двое писарей с досками для записей.

— Первичный счёт? — спросил он.

— Девять улиц полностью, ещё четыре частично. В пределах огня люди не чувствуют боли. Возможно, ослаблено осязание, но не у всех.

— Погибшие?

— Подтверждено семеро. Четверо истекли кровью, один продолжал идти со сломанным позвоночником, двое детей задохнулись в дымоходе. Они полезли туда, потому что не чувствовали ожогов от сажи.

Один из писарей перестал писать.

Лоден бросил на него взгляд.

— Если вам дурно от цифр, выбрали не то управление.

Писарь снова заскрипел пером.

— Источник? — спросил Лоден.

— Пока не найден. Температурного следа нет. Огонь ничего не производит и ничего не разрушает.

— Значит, иллюзия.

— Иллюзия не может изъять чувство боли у шести тысяч человек.

— Пять тысяч восьмьсот, — поправил писарь.

Иара посмотрела на него.

— Пересчитайте после полудня.

Над крышами прозвучал медный гонг. Белое пламя дрогнуло, словно услышало его, и стало выше. Толпа на площади качнулась назад.

Иара почувствовала знакомый металлический вкус на языке. Так её тело реагировало на крупный расход дара. Она подняла измерительную нить. Теперь та светилась по всей длине тёмно-красным.

— Все за границу квартала! — крикнула Иара. — Отвести людей за канал! Не бегите. Проверяйте ступни и руки на повреждения!

Лоден ухватил её за локоть.

— Что происходит?

— Второй сбор.

— Здесь нечего собирать. Боль уже изъята.

— Значит, берут другое.

По площади прокатилась странная тишина. Не отсутствие голосов — люди продолжали кричать, солдаты отдавали приказы, лошади били копытами. Исчезли звуки металла. Перестали звенеть упряжи, молотки кузнецов опускались на наковальни без единого удара, медные монеты падали на камень бесшумно.

Иара закрыла глаза. Человеческие голоса оставались. Вода шумела. Дерево скрипело. Но любой звук, рождённый соприкосновением с металлом, был вырезан из мира с пугающей точностью.

— Это невозможно, — произнёс Лоден.

— Нет. Просто запрещено.

Иара двинулась к центру квартала.

Она знала семь законных способов забрать одно чувство у одного человека. Знала двадцать три способа сделать это случайно и четыре — намеренно, если преступник располагал редкими приборами. Но для изъятия у целого квартала требовалась сеть переноса, проложенная заранее и соединённая с каждым домом.

Такую сеть нельзя было построить тайком. Её должны были согласовать городские землемеры, инженеры каналов, Управление мер и коронная стража.

Лоден догнал её у входа в переулок.

— Куда вы идёте?

— К старой водомерной башне. Все линии квартала сходятся там.

— Башня закрыта двадцать лет.

— Значит, дверь будет трудно открыть.

Они прошли под белым пламенем. Оно оказалось прохладным, почти ласковым. На коже Иара ощутила лёгкое давление, как от воды. Каждый шаг отдавался металлическим привкусом. Нить в её руке натянулась в сторону башни.

На углу лежал мёртвый конь. Животное распорол бок о выступ ограды и продолжало бежать, пока не упало. Рядом сидел возница. Обе его кисти были вывернуты после падения, но он не обращал на них внимания.

— Я его не бил, — повторял он. — Все видели, я его не бил.

Иара хотела остановиться, однако Лоден подтолкнул её дальше.

— Сначала источник.

Водомерная башня стояла на самой низкой точке квартала, где два подземных канала уходили к реке. Круглое здание из чёрного камня было зажато между красильней и складом пряностей. На двери висела новая латунная пломба.

Не городская.

Иара стёрла с неё копоть. Под слоем грязи показалась коронованная спираль — знак личной канцелярии регента.

Лоден выругался шёпотом.

— Мы не имеем права её снимать.

— В квартале погибают люди.

— Именно поэтому нам нельзя добавлять государственное преступление к магической аварии.

Иара достала короткий молоток.

— Тогда отвернитесь.

Пломба раскололась после третьего удара. Дверь не была заперта. За ней начиналась лестница, уходившая вниз, хотя сама башня возвышалась на шесть этажей.

Белое пламя стекало по ступеням.

Внизу обнаружился зал, которого не было ни на одном городском плане. По стенам тянулись сотни медных проводов, каждый уходил в отдельную трубу. В центре стояла машина из серебряных пластин и тёмного стекла. Её устройство напоминало обычный мерный стол, но было увеличено в десятки раз. На поверхности медленно вращались пять колец, разделённых на тысячи мелких секторов.

Четыре кольца светились. Пятое оставалось тёмным.

— Четыре сбора, — сказал Лоден. — Сегодня должно произойти ещё два.

— Нет.

Иара подошла ближе. На каждом кольце были выгравированы названия чувств. Боль. Звук металла. Чувство равновесия. Вкус соли. Пятое кольцо не имело надписи.

Между ним и остальными была проведена свежая линия.

— Первые четыре — только ключи, — сказала она. — Настоящий сбор ещё не начался.

У дальней стены что-то зашевелилось.

Лоден поднял фонарь. За машиной лежал человек в рабочей одежде. Его руки были прикованы к медной скобе, рот забит тканью. Иара бросилась к нему, вытащила кляп.

— Кто это сделал?

Мужчина судорожно вдохнул.

— Выключите... пока не открылось.

— Что не открылось?

Он посмотрел на пятое кольцо.

— Дорога вниз.

Машина издала низкий звук, который Иара почувствовала не ушами, а костями. Пятое кольцо медленно засветилось.

На его поверхности проступило одно слово.

Жизнь.

* * *

Кольцо не завершило сбор сразу.

Слово вспыхнуло и погасло, будто устройство проверяло, поняли ли его люди. Потом по стенам зала пробежали тонкие линии. Каждая медная труба отозвалась человеческим голосом — не словами, а дыханием. Тысячи вдохов заполнили подземелье.

Рабочий у стены зажал уши.

— Оно считает, — сказал он.

— Что? — спросил Лоден.

— Живых.

Иара подошла к пятому кольцу, не касаясь. На поверхности появлялись цифры. Пять тысяч восемьсот девяносто два. Пять тысяч восемьсот девяносто три. Число росло, когда в квартал входили санитары, и уменьшалось, когда выносили погибших.

— Это не приёмник, — сказала она. — Это отбор.

— Для чего?

На внутренних пластинах загорались маленькие знаки. Возраст, состояние каналов, история использования дара. Машина читала жителей через городские линии так же легко, как Палата читала переписную карточку.

— Ищет подходящего человека.

— Подходящего для чего?

Пятое кольцо повернулось к Иаре.

Её служебный знак нагрелся на груди. На пластине возникла новая строка: «Высокая проводимость. Допуск четвёртый. Опыт разделения сложных мер».

Лоден сорвал знак с её мундира и бросил на пол. Кольцо продолжало следить.

— Оно уже прочитало вас, — сказал он.

Иара отступила. Строка исчезла, появились сведения о рабочем. Низкая проводимость. Повреждение слуха. Непригоден.

Машина не собиралась забирать жизнь у всего квартала. Она просматривала людей, используя потерю боли и звука как нагрузку. Тот, кто сохранит способность различать ощущения, станет целью пятого контура.

— Сколько испытаний уже провели? — спросила Иара рабочего.

— Это первое с людьми.

Он ответил слишком быстро.

Лоден подошёл ближе.

— Здесь нет ни одной детали, которую устанавливают ради одного испытания. Сколько? Рабочий смотрел на вращающиеся цифры.

— На животных. На заключённых. В северных посёлках.

— Имена.

— Я не знаю.

— Места.

— Три Камня, Рудный Яр, Ольден. Ещё станции без названий.

Ольден снова возник до того, как кто-то понял его значение.

На лестнице слышались шаги. В зал спустился один из санитаров.
— Госпожа Тенн, наверху новые случаи. Люди падают, хотя ран нет.
Иара выбежала из башни.

На площади десятки жителей лежали на мостовой. Они были в сознании, говорили, но не могли подняться. Потеря равновесия началась раньше, чем показали кольца.

Женщина пыталась ползти к ребёнку. Каждый раз тело поворачивалось в сторону, потому что она не чувствовала, где находится верх. Иара уложила её на спину и связала запястья с поясом ребёнка, чтобы они не потерялись.

— Не заставляйте их вставать! — приказала санитарам. — Переносить лёжа. Отметьте каждую улицу, где началось.

Люди у канала ещё держались на ногах. Значит, третий сбор распространялся от башни наружу. Времени до полного охвата было меньше четверти часа.

Иара увидела старика на крыше. Потеряв равновесие, он вцепился в дымовую трубу. Черепица осыпалась.

— Верёвку!

Санитары не успели. Старик сорвался.

Белое пламя подхватило его.

На мгновение тело зависло в воздухе. Пламя не жгло, но уносило вес. Потом отпустило. Мужчина упал с высоты второго этажа. Не почувствовал перелома и попытался встать.

Иара поняла: отдельные кольца связаны. Изъятие равновесия подготавливало сбор свойства веса. Пятое слово «жизнь» могло означать не смерть, а совокупность функций, удерживающих сознание в теле.

Она вернулась в зал.

— Нужно размыкать сейчас.

Лоден стоял у рычага. Рабочий объяснял схему.

— Приём уже вошёл в третью фазу. Обратный поток смешает линии.

— Если ждать четвёртую, люди начнут терять вес.

— По порядку четвёртым идёт вкус соли, — сказал рабочий.

— Машина изменила порядок сама.

Он побледнел.

— Не может.

— Уже изменила.

Лоден указал на внутренний обод. Надписи двигались. «Равновесие» сменилось «границей тела». Машина выбирала не заранее заданные чувства, а то, что быстрее приведёт к пятой мере.

— Она учится на реакции квартала, — сказала Иара.

— Машины не учатся, — ответил рабочий.

— Эта построена не только людьми.

За медными панелями проступал другой материал — тёмный, похожий на кость. Он слегка расширялся при каждом ударе снизу. Человеческие мастера добавили кольца к живому устройству, назначение которого не понимали.

Лоден взял Иару за плечо.

— Если разомкнёте через себя, пятое кольцо может выбрать вас.

— Если не разомкну, оно выберет кого-то из квартала.

— Тогда найдём способ без проводника.

— За сколько?

Он не ответил.

Иара посмотрела на числа. Машина перебирала людей всё быстрее. Возле одного значения задержалась. Девочка, десять лет. Высокая способность разделять боль. Связь с несколькими семейными линиями.

Мина.

Пятое кольцо начало открываться к её дому.

— Сейчас, — сказала Иара.

Лоден хотел возразить, но увидел имя на пластине. Положил руку на рычаг.

— Тогда я тяну. Вы разделяете.

— Отведите рабочего.

— Он знает устройство.

— И поэтому нужен живым.

Лоден усмехнулся без радости.

— Вы всё-таки научились думать как начальник.

— Плохой момент для повышения.

Наверху закричала Мина. Голос прошёл по трубе прямо в зал.

Лоден потянул рычаг.

Глава 2. Пятая мера

Иара не стала искать выключатель. Машины, созданные для законного измерения дара, всегда имели аварийный рычаг, размыкавший все контуры одновременно. У незаконных устройств такой рычаг обычно убирали: слишком велика была вероятность, что оператор предпочтёт спасти себя, а не накопленную силу.

Она сорвала перчатку и прижала ладонь к наружному кольцу.

Мир исчез в белом свете.

Сначала Иара почувствовала квартал. Тысячи тел открылись перед ней не лицами и мыслями, а простым множеством ощущений. Чужие порезы, ожоги, давление обуви, сухость во рту, тяжесть еды в желудке. Всё это текло по медным линиям к машине. Боль уже была отделена и собрана в плотный холодный узел. Рядом вращался другой узел — звон металла, странная серебряная тишина, наполненная памятью о каждом когда-либо услышанном ударе.

За ними находилось нечто большее.

Пятое кольцо тянулось не к людям. Его линия уходила под фундамент, глубже каналов и старых погребов, в каменную толщу, где не могло быть ни одного живого существа. Там медленно раскрывалась огромная пустота. Иара не видела её, но ощущала голод, от которого сводило мышцы.

Машина попыталась взять плату с неё.

Исчез вкус крови на прикушенной губе. Потом холод металла под ладонью. Следом погасла боль в спине.

Иара отдёрнула руку.

— Не касайтесь колец! — крикнула она.

Лоден уже отступал к лестнице. Прикованный рабочий забился у стены. Белый свет заполнял зал, поднимаясь от пола тонкими волокнами.

— Аварийный разрыв должен быть в основании, — сказала Иара. — Ищите красную пластину.

— Здесь всё красное.

Действительно, медь раскалилась без жара и светилась изнутри. Иара обошла машину, считая соединения. Линий было шестьдесят четыре, слишком много для обычного стола. Каждая делилась ещё на сотни нитей, уходивших в стены.

Рабочий что-то мычал.

— Освободите его, — велела Иара.

Лоден достал ключи, но ни один не подошёл к замку. Тогда он ударил рукоятью меча по скобе. Металл не издал звука. После третьего удара крепление треснуло, и рабочий рухнул вперёд.

— Под полом, — выговорил он. — Ручной затвор под полом.

Иара увидела узкую щель возле центральной опоры. Они с Лоденом поддели плиту молотками. Под ней лежал рычаг, обёрнутый чёрной изоляционной тканью. На ткани была свинцовая бирка: «Не размыкать при активном приёме».

— Если разомкнуть, накопленное вернётся по линиям, — сказал Лоден.

— Или сожжёт их.

— Вместе с людьми.

Пятое кольцо стало ярче. Из шахты под машиной донёсся глухой треск. Камень под ногами дрогнул.

Иара посмотрела на рабочего.

— Что машина должна забрать?

Он покачал головой.

— Нам не говорили. Мы прокладывали трубы. Потом пришли люди регента и поставили кольца. Сказали, испытание городской защиты.

— Кто запустил её сегодня?

— Она сама.

Лоден взялся за рычаг.

— На счёт три.

— Нет. Вы отведёте его наверх.

— А вы?

— Прослежу возврат. Если поток пойдёт в пятое кольцо, придётся перенаправить его через себя.

Начальник Палаты выпрямился. В другое время он нашёл бы десяток служебных причин, почему подобное решение должно пройти через совет. Сейчас только внимательно посмотрел ей в глаза.

— Сколько вы сможете удержать?

— Несколько секунд.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он помог рабочему подняться и повёл его к лестнице. У первой ступени остановился.

— Вы всегда считали, что инструкция написана для тех, кто боится думать.

— А вы всегда считали, что она написана кровью.

— Обычно правы мы оба.

Лоден подтянул рабочего выше, затем резко потянул рычаг.

Кольца остановились.

На мгновение зал стал совершенно тёмным. Потом собранная сила ударила обратно.

Иара успела схватиться за две медные линии. В левую ладонь вошла боль квартала — тысячи порезов, ушибов, переломов и ожогов разом. Правая наполнилась звоном, будто внутри костей били молотами. Она закричала, но собственного голоса не услышала.

Сила рвалась вниз. Пятое кольцо оставалось открытым и втягивало всё, что не могло вернуться к владельцам. Иара сомкнула контур через своё тело. Её учили проводить не больше одной человеческой меры. Сейчас через неё прошли тысячи.

Она не пыталась удержать их. Только разделяла поток, возвращая каждую долю туда, откуда та пришла. Работа требовала точности, а не силы. Ошибка в одну линию могла отдать боль ребёнка старому человеку, слух кузнеца — певице, ощущение собственного тела — тому, кто никогда его не терял.

Иара считала.

Одна улица. Вторая. Третья.

Чувства возвращались рывками. Наверху закричали люди, внезапно обнаружившие раны. Зазвенели инструменты. Лопнула где-то труба. Каждый звук подтверждал, что связь восстановлена.

Четвёртая улица.

Пятое кольцо не закрывалось.

Оно тянуло сильнее, и теперь Иара ощутила то, что ждало на другом конце. Не пустоту. Тело. Нечто живое, лишённое привычных границ. Его боль была слишком медленной для человека: один импульс длился века. Один вдох мог пережить царство.

В этом ощущении не было сознательной мысли, но был вопрос, повторявшийся с каждым ударом невидимого сердца.

Почему?

Иара выпустила линии. Её отбросило к стене.

Машина разлетелась. Серебряные пластины сорвались с осей, стекло превратилось в тёмную пыль. Пятое кольцо упало на камень и раскололось надвое.

Белое пламя погасло.

Некоторое время Иара лежала, прижавшись щекой к холодному полу. Боль возвращалась частями. Сначала в ладонях, затем в плечах, спине, голове. Она приветствовала каждое ощущение, пока они не слились в тошнотворный гул.

Лоден спустился один.

— Тенн.

Она подняла руку, показывая, что слышит.

— Рабочий?

— Жив. Снаружи. Как вы?

— Слишком хорошо.

Он помог ей сесть. Кожа на ладонях осталась целой, но под ней проступили тонкие красные линии, похожие на карту рек.

— Это не пройдёт само, — сказал Лоден.

— Знаю.

— Вам нужен лекарь.

— Сначала опечатайте помещение. Никого из коронной канцелярии без совместного разрешения Палаты и городского суда.

Лоден отвернулся к обломкам.

— Вы видели пломбу.

— Именно поэтому.

— Мы можем опечатать башню на час. Может быть, на два. Потом сюда придут люди, которым не понадобится наше разрешение.

Иара встала, держась за стену. В голове ещё звучали чужие ощущения. Среди них оставался один медленный импульс — далёкий, почти неразличимый.

— Тогда у нас два часа.

Наверху квартал снова учился страдать.

Люди, которые несколько часов не чувствовали ран, теперь падали на мостовую. Хирурги работали прямо под навесами. Санитары отмечали двери домов, где требовалась помощь. В воздухе стоял запах крови, мокрой шерсти и лекарственного спирта.

Иара нашла освобождённого рабочего возле фонтана. Ему перевязали запястья. Он сидел, сжав руки между коленями, и смотрел на башню.

— Имя?

— Севен Ард.

— Кто вас приковал?

— Начальник смены. Я отказался запускать приём.

— Вы сказали, машина запустилась сама.

Севен облизнул разбитую губу.

— После того как он ушёл. Я думал, запуск назначен на вечер. Но кольца начали вращаться, как только над дворцом подняли коронное знамя.

Сегодня во дворце проходила церемония обновления городских защит. Регент должен был продемонстрировать новый купол, способный выдержать удар осадной магии. Иара видела в программе безобидные показательные чары. Ни слова о Старом Риальте.

— Где начальник смены?

— Не знаю.

— Имена инженеров, поставщиков, охраны.

— Записи внизу. В ящике под северной панелью.

Лоден, стоявший за плечом Иары, едва заметно покачал головой. Когда они вернулись в зал, северная панель была вырвана. Ящик исчез.

Коронная стража прибыла через сорок минут.

Дворцовые солдаты оцепили башню, оттеснили городских санитаров и потребовали передать все найденные материалы. Во главе отряда шёл человек в длинном сером мундире без знаков различия. Его звали Кайр Оссар. Иара знала его по заседаниям чрезвычайной комиссии, где он почти никогда не говорил, зато после каждого его молчания кто-нибудь лишался должности.

У него было узкое лицо, коротко остриженные седые волосы и руки без перчаток, хотя утро оставалось холодным. На правой ладони виднелся старый глубокий шрам.

— Госпожа Тенн, — сказал он. — Вы нарушили коронную пломбу.

— Она закрывала источник аварии.

— Это будет учтено.

— В чью пользу?

Оссар посмотрел на башню, затем на раненых вокруг.

— Пока не установлены обстоятельства, объект переходит под охрану регента. Вы передадите мне измерительные записи и имена свидетелей.

— Нет.

Лоден кашлянул, но Иара продолжила:

— Погибли люди. По закону расследование ведёт Палата мер совместно с городским судом.

— Если причиной была неисправность городских линий.

— А если причиной было коронное устройство, закон перестаёт действовать?

— Если причиной было устройство государственной защиты, действует другой закон.

Они говорили негромко, но солдаты вокруг слышали каждое слово. Оссар не угрожал. Ему не требовалось.

— Что собирало пятое кольцо? — спросила Иара.

На мгновение его взгляд переместился к её ладоням. Красные линии стали ярче.

— В машине было четыре кольца.

— Я видела пять.

— Вы получили магический удар. Свидетельские показания в таком состоянии считаются ненадёжными.

Иара поняла, что башню очистили не после их выхода. Кто-то заранее знал, какие детали нужно убрать из официальной версии.

— Севен Ард тоже видел пятое кольцо.

— Кто?

Она обернулась к фонтану.

Стул был пуст. На камне лежала окровавленная повязка.

Кайр Оссар даже не повернул головы.

— Передайте записи, госпожа Тенн.

Иара сняла с пояса кожаный футляр, где хранила измерительные ленты. Протянула его офицеру — и почувствовала, как Лоден рядом напрягся.

Оссар взял футляр.

Он не заметил, что главную нить Иара спрятала под перевязью на ладони.

* * *

К вечеру Старый Риальт превратился в огромную лечебницу.

Белого пламени больше не было, но его последствия проявлялись постепенно. Люди находили раны, полученные во время утраты боли. У кого-то треснули рёбра, у кого-то были обожжены руки, кто-то продолжал работать с внутренним кровотечением. Санитары обходили

дом за домом и задавали странные вопросы: можете ли вы почувствовать укол, различаете ли горячую воду, слышите ли звон ложки.

Иара осталась, несмотря на приказ Оссара явиться в Палату. Сначала помогала сортировать пострадавших. Потом начала составлять независимую карту потерь.

На каждой двери она рисовала мелом пять кругов. Закрашенный круг означал вернувшееся чувство. Перечёркнутый — потерю. К полуночи рисунки покрыли девять улиц.

Схема не была случайной.

Ближе к водомерной башне люди теряли боль полностью. На внешних улицах — частично. Звук металла исчезал по отдельной сетке, совпадавшей не с расстоянием, а с расположением переписных пластин. В нескольких домах третьим сбором успело начаться изъятие равновесия.

— Машина использовала разные линии, — сказал Лоден. Он вернулся без знака Палаты, чтобы коронная стража не могла официально потребовать его ухода. — Боль шла через водные трубы. Звук — через отопительные. Равновесие — через знаки домов.

— Значит, систему строили при каждом городском ремонте.

— Десятилетиями.

Они сидели на ступенях разрушенной аптеки. Лоден держал две кружки горячего настоя. Одну протянул Иаре.

— Вы снова ничего не ели.

— Ела утром.

— Сейчас почти утро.

Она выпила. Настой был слишком горьким. Отсутствие вкуса соли делало горечь резче.

— Когда вы поняли, что отчёты по сельским мерам подделывают? — спросила Иара.

Лоден не удивился вопросу.

— Семь лет назад. В Ольдене.

— Почему подписали заключение?

— Потому что к тому времени настоящее уже подписали вы.

Иара поставила кружку.

— Я проверяла пластины.

— Вы подтвердили, что они не заражены и не дают случайного выброса. Канцелярия добавила первую страницу, где это стало заключением о безопасности всего сбора.

— Вы видели замену?

— После отправки. Попытался отозвать документ. Мне показали чрезвычайный приказ и объяснили, что исправление вызовет панику.

— И вы согласились?

— Нет. Начал собирать доказательства. Медленно, осторожно и настолько тайно, что люди продолжали платить ещё семь лет.

Он не пытался представить осторожность мудростью.

— Почему не сказали мне?

— Сначала считал вас частью подмены. Потом понял, что вы просто очень хорошо исполняете ограниченную задачу.

— Это оскорбление?

— Диагноз профессии.

В переулке закричали. Они побежали на звук.

Молодой мужчина прижимал к стене женщину. Его лицо было рассечено, кровь заливала глаз.

— Она забрала мою боль! — кричал он.

Женщина пыталась объяснить, что не знает его. Толпа вокруг быстро росла.

Иара разняла их с помощью санитаров. Проверка показала: мужчина чувствовал боль, но не свою. Каждое повреждение женщины отзывалось в его теле, а собственная рана оставалась немой. При возврате потоки пересеклись.

— Исправьте, — потребовал он.

Иара приложила нить. Связь была тонкой, но глубокой.

— Если разорву сразу, оба можете потерять боль полностью.

— Тогда пусть она заберёт всё.

— Я не хочу, — сказала женщина.

— Ты уже взяла!

— Не по своей воле.

Иара заставила их сесть по разные стороны комнаты. Попросила женщину вспомнить конкретную боль — роды, ожог, что-нибудь с ясной причиной. Та выбрала старый перелом запястья. Мужчина почувствовал его и указал место. Затем он вспомнил собственный порез в детстве. Следы постепенно разделились.

Процедура заняла два часа. После неё оба сохранили боль, но ещё несколько дней должны были чувствовать слабые отголоски друг друга.

— Подобных случаев будет больше, — сказал Лоден.

— Потому что я возвращала поток слишком быстро.

— Потому что машина смешивала его. Без разрыва люди потеряли бы всё.

— Это не отменяет ошибки.

— Нет. Но помещает её среди других фактов.

Он дал ей чистый лист.

— Запишите последовательность. Не вывод, не вину. Что сделали, что произошло, что неизвестно.

Так Лоден учил молодых мерителей. Иара всегда считала метод избыточным. Теперь поняла: он не позволял одному удобному объяснению поглотить остальные.

Они составили акт. Имена двух пострадавших, время, механизм пересечения, способ разделения, возможные последствия. Копию отдали каждому.

На рассвете пришли семьи погибших.

Их было девятнадцать, хотя подтверждённых смертей пока числилось семь. Остальные искали людей, пропавших во время эвакуации. Коронная стража не допускала родственников к башне. Иара провела их в больничный двор.

Девочка Мина, которой утром вынули гвоздь из колена, сидела рядом с отцом. Нога была забинтована. Она чувствовала боль и плакала каждый раз, когда хирург менял повязку.

— Вы вернули ей? — спросил отец.

— Да.

— Спасибо.

Иара хотела сказать, что именно её разрыв мог смешать следы других людей. Остановилась. Не вся правда должна быть немедленно вывалена на человека, который благодарит за живого ребёнка. Но и принимать благодарность как полное оправдание было нельзя.

— Следите за жаром и цветом кожи, — сказала она. — Возврат мог быть неполным. Через три дня придите в Палату на повторную проверку.

Мина протянула ей маленький осколок белого стекла.

— Нашла возле башни.

Иара взяла его через ткань. Осколок был частью пятого кольца. На поверхности сохранилась половина буквы.

Она спрятала находку в карман до того, как солдаты заметили.

Лоден увидел движение.

— Что?

Иара показала осколок в пустой комнате. Нить рядом с ним развернулась на север.

— Доказательство, которое пережило очистку.

— Не храните при себе.

— Где тогда?

Лоден подумал.

— В Палате есть хранилище старых мер. Коронная канцелярия считает его списанным.

Я положу осколок туда вместе с рисунком.

— Если вас задержат?

— Тогда вы узнаете, почему я всегда требовал три копии.

Он завернул стекло и ушёл через задний двор.

Это был последний раз, когда Иара видела его свободным.

Через час коронная стража закрыла лечебницу для «санитарной проверки». Карты на дверях закрасили. Независимые акты собрали, обещая приложить к общему делу. Иаре приказали явиться в Палату под сопровождением.

Перед уходом она нашла молодого мужчину и женщину со смешанной болью. Солдат уже забирал их копии.

— Мы должны сохранить, — сказала женщина.

— Государственное следствие снимет заверенную копию, — ответил солдат.

Иара знала, что копия потеряет строки о направленном переносе.

Она попросила посмотреть документ в последний раз и незаметно прижала к бумаге измерительную нить. На ткани остался слабый след подписей и потока. Не текст, но доказательство, что два человека были соединены машиной.

По дороге к Палате город уже возвращался к порядку. Торговцы открывали лавки. Улицы очищали от крови. На площади глашатай объявлял, что авария локализована благодаря коронной защите.

Иара слушала правильную версию, создаваемую раньше, чем высохли настоящие записи.

В тот момент она ещё верила, что достаточно представить совету точное измерение.

Эта вера прожила до полудня.

Глава 3. Правильный отчёт

В Палате мер не было окон.

Когда-то здание служило монетным двором, и его строители считали солнечный свет ещё одним способом украсть серебро. Позднее тяжёлые стены, подземные хранилища и двери с тройными замками оказались удобны для учреждения, которое хранило сведения о цене каждого законного заклинания в Империи.

Иара любила это место за невозможность определить время. Здесь можно было работать до изнеможения, не наблюдая, как город за стенами занимается обычной жизнью.

Сейчас обычная жизнь раздражала бы её особенно сильно.

Она сидела в измерительной комнате, положив руки на чёрную каменную плиту. Лекарь Палаты водил над ладонями стеклянным указателем. Красные линии под кожей вспыхивали вслед за его движением.

— Проводящие каналы расширены, — сказал он. — Временно или навсегда, не знаю. Вам нельзя использовать дар хотя бы месяц.

— Через сколько я смогу касаться измерительных пластин?

— Вы услышали только удобную часть ответа?

— Я услышала «хотя бы месяц». Через сколько?

Лекарь вздохнул.

— Через три дня можно провести слабую пробу. Если линии не начнут ветвиться.

— А если начнут?

— Тогда вы перестанете чувствовать руки. Возможно, выше локтей.

Он смазал ладони прозрачной мазью и велел держать их в тепле. Иара натянула перчатки. Ткань казалась грубой, каждая нить ощущалась отдельно. После перенапряжения её осязание стало болезненно точным.

В коридоре ждал Лоден. Под мышкой он держал папку с красной лентой.

— Совет собрался, — сказал он. — Городской суд не допустили.

— Основание?

— Государственная защита.

— Значит, Оссар уже утвердил свою версию.

— Не Оссар. Выше.

Они спустились в зал разбирательств. За длинным столом сидели пятеро мастеров Палаты, представитель военного управления и советник регента по имени Вейл. Он выглядел слишком молодо для своей должности, носил белый мундир и говорил с мягкостью человека, который никогда не повышал голос, потому что последствия его недовольства были известны заранее.

На столе лежал готовый отчёт.

Иара прочитала первую страницу стоя.

«Вследствие несанкционированного вмешательства в устаревший городской распределитель произошёл обратный выброс остаточной силы...»

Она перелистнула дальше.

Погибших было указано трое вместо семерых. Изъятие боли называлось «кратковременным притуплением». О звуке металла не упоминалось. Белое пламя объяснялось визуальным следствием перегрузки.

— Несанкционированным вмешательством считается моя попытка выключить устройство? — спросила Иара.

Советник Вейл соединил пальцы.

— В отчёте не названы конкретные лица.

— Пока.

— Госпожа Тенн, никто не сомневается в добросовестности ваших действий. Именно поэтому мы хотим завершить дело быстро, не превращая трагическую случайность в политический слух.

— Случайность была соединена с дворцовой церемонией.

В зале стало тихо.

Лоден поставил перед собой папку, но не открыл её.

— У вас есть доказательства? — спросил Вейл.

— Показания рабочего Севена Арда.

— Такого человека нет в списках подрядчиков.

— Его забрали люди коронной стражи.

— Командир Оссар сообщил, что стража никого не задерживала.

Иара посмотрела на военного представителя. Тот изучал край стола.

— Тогда рабочий исчез из оцепленного квартала самостоятельно, без обуви и с повреждёнными запястьями.

— Возможно, он дал ложное имя.

— Возможно, вы уже решили всё, что собираетесь установить.

Один из старших мастеров поднял руку.

— Довольно. Мы рассматриваем технические причины, а не намерения канцелярии.

— Техническая причина — сеть переноса, — сказала Иара. — Она забрала чувства у целого квартала. Для её работы использовались городские линии, переписные знаки на домах и неизвестный приёмник под башней. Это не остаточная сила. Это действующее устройство.

Советник Вейл открыл вторую папку.

— Ваши измерительные ленты были изучены. Следов направленного переноса не обнаружено.

— Потому что вам передали не все.

Лоден резко повернул голову.

Иара достала нить из внутреннего кармана. Тёмная ткань сама собой изогнулась в сторону северной стены. Она всё ещё хранила направление последнего потока.

— Эта нить касалась пятого кольца.

Никто не попросил показать её ближе.

Советник медленно закрыл папку.

— Вы скрыли вещественное доказательство от коронного следствия.

— Я сохранила его от людей, которые уничтожили остальные.

— Осторожнее, Тенн, — негромко сказал Лоден.

Иара поняла предупреждение. Пока она говорила о машине, её можно было объявить заблуждающимся специалистом. Обвинение в уничтожении доказательств превращало заседание в другой вид разбирательства.

— Я предлагаю независимую проверку линии, — сказала она. — Достаточно пройти по направлению нити.

— Проверка уже проведена, — ответил Вейл. — Поток вёл к северной накопительной станции городской защиты.

— Под землёй?

— Линии проложены под землёй.

— Он уходил глубже.

— Насколько глубже?

Иара не могла ответить. Для человеческих мер расстояние того ощущения не имело смысла.

Советник подвинул отчёт.

— Ваша подпись подтвердит только факты, которые вы наблюдали лично. После этого вы получите месяц для восстановления.

— А если не подпишу?

— Получите тот же месяц. Но уже как участник служебного расследования.

Лоден наконец раскрыл свою папку. В ней лежали копии больничных ведомостей, свидетельства санитаров, рисунок машины, сделанный одним из писарей до прибытия стражи. Он аккуратно вынул лист с пятью кольцами и положил поверх официального отчёта.

— Я тоже видел пятое, — сказал он.

Советник Вейл посмотрел на рисунок почти с сожалением.

— Мастер Лоден, вашей Палатой за последние три года допущено одиннадцать нарушений при обслуживании городских линий. Два мастера осуждены за продажу мер частным лицам. Один покончил с собой до суда. Вы уверены, что хотите обсуждать надёжность внутреннего контроля?

— Это не относится к аварии.

— Напротив. Объясняет её гораздо убедительнее, чем государственный заговор.

Так выглядела настоящая угроза: не обещание наказать, а заранее подготовленная история, в которой любая попытка сопротивления становилась доказательством вины.

Лоден собрал бумаги.

— Нам нужно обсудить формулировки.

— До полудня, — разрешил советник. — Затем отчёт будет передан регенту с вашими подписями или без них.

В коридоре Лоден долго молчал.

— Зачем вы достали нить? — спросил он наконец.

— Чтобы они не могли сказать, что её не существует.

— Теперь они знают, где она.

— И знают, что есть рисунок.

— Рисунок — копия.

Иара остановилась.

— Где оригинал?

— Там, где его не найдут при обычном обыске. Но это даёт нам несколько часов, не больше.

Они вошли в его кабинет. Лоден закрыл дверь на оба замка, снял со стены карту городских линий и разложил её на полу. Красные каналы тепла, синие водные пути, серебряные магические контуры покрывали Риальт плотной сетью.

— Официальный поток действительно идёт к северной станции, — сказал он. — Но во время аварии она не получила ни одной меры. Я проверил журнал.

— Значит, есть ответвление.

— Старое или скрытое. Найти его по городским схемам невозможно.

Иара положила нить на карту. Та повернулась не к северной станции, а чуть западнее — к району бывших оружейных мастерских.

Лоден провёл пальцем по отметкам.

— Там сейчас коронная тюрьма.

— Почему линия ведёт в тюрьму?

— Возможно, не в неё. Под мастерскими сохранились дореформенные тоннели. Но попасть туда можно только через внутренний двор.

На полях карты мелким почерком были записаны даты ремонтов. Последняя проверка тоннелей проводилась семь лет назад инженером Мареном Келем.

— Он ещё служит городу? — спросила Иара.

— Нет. Ожидает казни.

Марена Келя обвинили в разрушении военного моста на западной границе. Погибли сорок два солдата. Дело считалось настолько очевидным, что его имя стало ругательством среди инженеров.

— Когда казнь?

Лоден взглянул на часы.

— Сегодня на закате.

Глава 4. Инженер, который не верил в чудеса

Коронная тюрьма пахла мокрым известняком и горячим железом.

На входе Иара предъявила знак Палаты и предписание на технический опрос заключённого. Документ Лоден составил по форме, предназначенной для расследований обрушений, и поставил вчерашнее число. Начальник караула прочитал его дважды.

— Кель больше не инженер, — сказал он.

— До исполнения приговора он остаётся лицом, обладающим специальными знаниями.

— Через четыре часа это перестанет иметь значение.

— Поэтому не будем тратить время.

Начальник позвал конвоира. Лодена в камеры не допустили: разрешение было выписано только на одного мерителя. Он остался в караульной, пообещав изучить новые схемы здания.

Иару провели вниз. За каждой дверью воздух становился холоднее. Она ожидала увидеть обычные камеры, но тюрьма была устроена вокруг старого машинного колодца. Ярусы уходили по спирали, соединённые узкими металлическими галереями. В центре висел грузовой подъёмник. Далеко внизу работали молоты, хотя оружейные мастерские закрыли много лет назад.

— Что там? — спросила Иара.

Конвоир пожал плечами.

— Котельная.

Молоты били слишком медленно для котельной. Между ударами проходило ровно семь вдохов.

Камера Марена Келя находилась на предпоследнем ярусе. Заключённый сидел на полу, прислонившись к стене, и разбирал деревянную ложку на тонкие полосы. Ему было около тридцати пяти. Тёмные волосы давно не стригли, на подбородке лежала короткая неровная щетина. Правая нога была вытянута; на колене виднелся старый фиксатор.

— Госпожа мерительница, — сказал он, не вставая. — Если вы пришли установить, чувствую ли я страх перед смертью, ответ — да. Можете не доставать приборы.

— Я пришла из-за тоннелей под тюрьмой.

Он продолжил расщеплять ложку.

— После заката они станут вашей проблемой без моего участия.

— Семь лет назад вы проводили здесь обследование.

— Я проводил сотни обследований.

— Вчера одна из скрытых линий изъела чувство боли у целого квартала.

Деревянная полоска сломалась в его пальцах.

Кель поднял глаза.

— У какого квартала?

— Старый Рияльт.

— Сколько времени?

— Около трёх часов.

— Другие потери?

— Звук металла. Возможно, готовились ещё три сбора.

Он встал, заметно бережно перенося вес на правую ногу.

— Покажите ладони.

— Зачем?

— Вы размыкали контур.

Иара не спросила, откуда он знает. Сняла перчатки. Красные линии дошли уже до запястий.

Кель подошёл к решётке. Его раздражение исчезло, уступив сосредоточенности.

— Сколько прошло через вас?

— Около шести тысяч мер.

— Тогда вы должны быть мертвы.

— Это не самый полезный вывод.

— Другого пока нет.

Он попросил её повернуть руки, рассмотрел линии, не касаясь кожи.

— Поток был разделён. Вы не приняли его, только перенаправили.

— Вы знакомы с мерной техникой?

— Я знаком с трубами. Маги любят делать вид, что их сила не подчиняется обычной механике. Потом удивляются, когда давление разрывает им сосуды.

— Куда ведёт линия из Старого Риальта?

— Если это та линия, о которой я думаю, не сюда. Тюрьма построена поверх распределительного узла. Здесь только один из затворов.

— Узла чего?

Кель отступил от решётки.

— Сначала скажите, кто подписал ваше разрешение.

— Мастер Лоден.

— Значит, официальное следствие уже закрывают.

— Почему?

— Потому что вы пришли ко мне не с конвоем, а с поддельной бумагой.

Она ничего не ответила.

— И потому что кольца запустились, — продолжил он. — Семь лет назад я нашёл под мастерскими трубу без назначения. Она была старше города, но к ней подключили новые медные ветви. Я потребовал вскрыть кладку. Через неделю меня перевели на западную границу. Ещё через год мост, который я отказался принимать, обрушился вместе с гарнизоном.

— Суд установил, что вы изменили расчёты опор.

— Суду показали расчёты с моей подписью.

— Она была поддельной?

— Нет. Подпись настоящая. Листы заменили после того, как я их подписал.

Простой ответ прозвучал убедительнее длинного оправдания.

Иара вынула из кармана нить. Даже сложенная в несколько раз, она повернулась к центральному колодцу.

Кель побледнел.

— Уберите её.

— Почему?

— Потому что любой приёмник в здании почувствует след.

Снизу перестали бить молоты.

Конвоир у двери выпрямился.

— Что случилось?

Из глубины колодца донёсся скрежет подъёмника.

Кель схватился за решётку.

— Если хотите узнать, куда ведёт линия, выведите меня отсюда сейчас.

— Я не могу освободить приговорённого.

— Тогда через несколько минут нас обоих допросят люди, которые умеют забирать не только боль.

На верхнем ярусе хлопнула дверь. Послышались шаги. Не торопливые — уверенные, равномерные.

Кайр Оссар не мог знать, куда она отправилась, если только советник Вейл не следил за Палатой ещё до заседания.

Иара повернулась к конвоиру.

— Начальник приказал привести заключённого в измерительную комнату.

— Мне ничего не говорили.

— Приказ в приложении.

Она протянула ему сложенный лист. Пока мужчина разворачивал бумагу, Кель просунул сквозь решётку тонкую деревянную полоску и нажал что-то внутри замка. Дверь открылась.

Конвоир поднял голову.

Кель ударил его дверью. Не сильно, но точно в висок. Мужчина осел на пол.

— Теперь вы освободили приговорённого, — сказал Кель. — Так будет проще объяснять дальнейшие решения.

— Я ещё могу закрыть вас обратно.

— Можете. Но сначала спросите, почему под действующей тюрьмой работает машина, которой нет на планах.

Шаги приближались.

Иара забрала у конвоира ключи.

— Вниз или вверх?

— Вниз.

Они вошли на служебную лестницу за камерой. Кель двигался быстро, несмотря на повреждённую ногу. Через два пролёта каменные ступени закончились, начались вырубленные прямо в скале.

— Семь лет назад проход был завален, — сказал он. — Видимо, расчистили.

— Кто?

— Те, кто собирался использовать линию.

Наверху зазвонил тревожный колокол.

— Лоден остался в караульной, — сказала Иара.

— Если он умён, уже ушёл.

— Он умён.

— Умные люди тоже остаются, когда считают, что должность их защитит.

Лестница вывела к круглой двери без ручки. В центре находились пять неглубоких углублений — для пальцев.

Иара увидела на металле тот же знак, что на машине: пять расходящихся линий.

— Это мерный замок, — сказала она.

— Он открывается платой.

— Какой?

Кель указал на углубления.

— По одной малой мере каждого чувства.

— Пять чувств — устаревшая классификация.

— Объясните это двери.

Сверху донеслись голоса. Преследователи вошли на лестницу.

Иара сняла перчатку и приложила пальцы к металлу. Плата пришла сразу: во рту пропал вкус, левое ухо заложило, кожа онемела, перед глазами потемнело, запах сырости исчез. Потери были малы и должны были вернуться через несколько часов.

Дверь открылась.

За ней лежал тоннель, облицованный гладким чёрным камнем. По стенам тянулись медные трубы толщиной с человеческое туловище. Внутри каждой что-то текло с медленным, тяжёлым ритмом.

Кель коснулся трубы костяшками пальцев.

— Это не городская линия.

— Тогда что?

— Не знаю. Но её построили не люди, которые думают в человеческих расстояниях. Дверь начала закрываться. В последнюю секунду в щель вошла рука Кайра Оссара. Металл сжал его пальцы. Он не издал ни звука.

Иара толкнула створку, пытаясь освободить его, но Оссар сам просунул вторую руку и раздвинул дверь. Кожа на пальцах лопнула. Кровь текла по запястью, а его лицо оставалось спокойным.

Он не чувствовал боли.

— Дальше проход закрыт, — сказал Оссар. — Вернитесь.

Кель посмотрел на изуродованную руку офицера.

— Сколько лет назад они взяли у вас осязание?

Оссар перевёл взгляд на него.

— Шесть.

— И всё это время вы им служите.

— Именно поэтому я знаю, что находится за этим тоннелем.

Глава 5. Ниже города

Оссар не попытался вытащить оружие. В тесном проходе меч был бы бесполезен, а любое заклинание могло разорвать трубы. Он стоял между створками, позволяя двери медленно ломать себе пальцы, и смотрел на Иару.

— Закройте нить, — сказал он.

Она спрятала её в футляр.

— Теперь объясните.

— Не здесь.

— Наверху вы объясняете только то, что уже написано в отчёте.

Лицо Оссара почти не изменилось, но взгляд стал тяжелее.

— Через этот узел проходит треть городских защит. Если повреждение дойдёт до центрального контура, Риальт останется без тепла и воды.

— А если мы уйдём, пятое кольцо перестанет существовать?

— Его больше нет.

— Вы не спросили, что это такое.

— Потому что знаю ответ.

Кель тихо рассмеялся.

— Вот за что я люблю государственных людей. Они произносят признание так, будто это ещё один приказ.

Оссар перевёл на него взгляд.

— Вы осуждены за убийство сорока двух солдат.

— Сорока двух солдат убил мост. Я только отказался сказать, что он безопасен.

— Версию суда вы сможете оспорить после возвращения.

— После казни?

— Если вернётесь добровольно, исполнение приговора будет отложено.

Кель посмотрел на Иару.

— Он не лжёт. Отложат ровно до окончания допроса.

Дверь продолжала закрываться. Кости в руке Оссара должны были уже треснуть. Иара видела кровь, видела неправильный угол мизинца, но не могла судить по его лицу, насколько серьёзно повреждение. Плата лишила его не только боли. При полном изъятии осязания человек переставал чувствовать положение собственного тела. Оссар управлял руками только зрением.

— Вы потеряете пальцы, — сказала она.

— Возможно.

— И вас это не беспокоит?

— Беспокоит. Я просто не имею преимущества чувствовать это немедленно.

Ответ был слишком сухим, чтобы быть храбростью.

Иара подошла к двери. Внутренний механизм состоял из пяти зубчатых пластин. Плата открыла их, но теперь они возвращались на место под тяжестью противовеса. Она вставила молоток между двумя пластинами. Створка остановилась.

Оссар освободил руку и отступил в тоннель. Не поблагодарил. Только достал из кармана ремень и затянул его вокруг запястья.

Сверху доносился шум солдат.

— У нас несколько минут, — сказал он. — Затем откроют наружный затвор.

— Вы пойдёте с нами, — решила Иара.

Кель поднял брови.

— Это арест в обе стороны?

— Это единственный человек, который знает, куда ведут трубы.

— Знал бы — не пришёл за вами с отрядом.

Оссар осмотрел повреждённую кисть.

— Они ведут к северному меридиану.

— Это название, а не ответ, — сказал Кель.

— Другого у меня нет. Даже у регента нет полной схемы.

Иара слышала в словах то, чего Оссар, возможно, не собирался сообщать. Кто-то построил сеть до нынешнего правительства. Регент использовал её, не понимая целиком.

Они двинулись в глубину тоннеля. Оссар шёл последним. Через каждые сто шагов в стенах попадались круглые ниши с тёмными чашами. В одних лежала застывшая серебристая жидкость, в других — порошок цвета ржавчины. Кель остановился у третьей, провёл деревянной щепкой по краю.

— Кость, — сказал он.

— Человеческая? — спросила Иара.

— Слишком плотная. И слишком старая.

Под ногами снова прошла дрожь. На этот раз сильнее. Из труб донёсся глухой толчок, затем следующий.

Иара считала промежутки.

— Семь вдохов.

— Молоты, — сказал Кель. — Мы слышали их из тюрьмы.

— Это не молоты.

Никто не договорил очевидное.

Тоннель разветвился. Левая ветвь поднималась, правая уходила вниз. Из правой тянуло сухим жаром.

Оссар указал налево.

— Аварийный выход у реки.

Нить в футляре повернулась вправо.

Иара пошла вниз.

— Тенн, — сказал Оссар.

— Если хотите меня остановить, придётся снова сломать руку.

Он последовал за ней.

Правый тоннель закончился у смотровой галереи. За низким каменным парапетом открывалась полость, настолько огромная, что свет фонарей не достигал противоположной стены. Сверху спускались тысячи медных линий. Они соединялись в толстые жгуты и уходили в поверхность далеко внизу.

Поверхность была гладкой, тёмно-красной и едва заметно двигалась.

Кель первым понял, на что они смотрят.

— Это не камень.

Из глубины поднялся толчок. Красная поверхность сократилась, жгуты натянулись. Воздух ударил в лица тёплой волной.

Огромная живая ткань уходила за пределы света. Медные стержни были вбиты в неё рядами. При каждом сокращении по линиям поднималось бледное свечение.

Иара подошла к парапету. Металлический вкус вернулся. Красные узоры под кожей ладоней вспыхнули.

Она увидела не орган, а карту потока. Сила поднималась от живой ткани к городу, разветвлялась, проходила через защитные станции, печи, водяные башни, лечебницы и дворец. Риальт питался каждым медленным ударом.

Но часть линий работала в обратную сторону. По ним вниз стекали собранные человеческие чувства — тонкие разноцветные струи, почти незаметные рядом с мощностью основного потока.

— Мы не питаем это существо, — сказала Иара. — Мы возвращаем ему то, что забираем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.